

Глава 16

На этот раз Цзи Мяню было не до благодарностей Системе.

Он с трудом заставил себя открыть глаза и встретился взглядом с мужчиной. В глазах юноши читалось упрямство и поразительная искренность — он явно не собирался сдаваться, но в глубине зрачков плескалась паника. Однако боялся он не самого Дуань Чжо, а того, что сейчас его начнут бить.

«Да кто, черт возьми, собрался его бить?!»

Пальцы Дуань Чжо невольно дернулись. Он вспомнил свою недавнюю угрозу — «вместе с тобой всыплю» — и понял, что Цзи Мянь воспринял эти слова всерьез. В каком-то смысле наставник и впрямь причинил ему боль, и это мало чем отличалось от настоящих побоев.

— Брат... — густые ресницы Цзи Мяня мелко затрепетали. В его голосе зазвучала такая мольба, что сердце Дуань Чжо невольно дрогнуло.

«...»

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Правое запястье мужчины всё еще сжимали тонкие пальцы — на ощупь они были холодными.

Хватка Дуань Чжо постепенно ослабла, а вместе с ней улетучилась и вспышка ярости. Он повел плечом, и рука Цзи Мяня последовала за ним, словно юноша был не живым человеком, а прикрепленным к нему брелоком.

Не проронив ни слова, Дуань Чжо развернулся к выходу. На пороге он на мгновение задержал взгляд на Хэ Хаймэй и коротко усмехнулся:

— Спасибо. Если бы не ты, я бы ни за что не отыскал И Чжана.

Эта улыбка была настолько неестественной, что Хэ Хаймэй в ужасе отпрянула, когда он прошел мимо. Краем глаза она заметила своего мужа, который всё еще корчился на полу. Дуань Чжо намеренно целил мимо жизненно важных органов, так что И Чжан отделался лишь синяками и испугом, но его стоны не прекращались. Глядя на это жалкое зрелище, женщина ощутила в глубине души едва уловимое, мстительное удовлетворение.

***

Маленький грузовой велосипед затормозил у входа в мастерскую. Сунь Ци, восседавший на низенькой табуретке, которую обычно занимал Цзи Мянь, завидел их и приветливо махнул

здоровой рукой. Однако ни один из прибывших не ответил на его радушие.

Дуань Чжо слез с сиденья с каменным лицом. Цзи Мянъ сложил зонт и молча спрыгнул на землю.

— Прости, брат Дуань. Я... — он семенил следом за наставником, не переставая бормотать извинения.

Вид у Дуань Чжо был прескверный — он казался воплощением гнева, хоть и не осознавал этого.

Сунь Ци опешил, быстро смекнув, что стряслось неладное. Он поднялся и, притворно нахмурившись, рявкнул:

— Старший брат! Что этот негодник опять натворил?!

Цзи Мянъ, предчувствуя скорую расправу, зажмурился:

— Прости, брат, я виноват.

«...»

Дуань Чжо от такой картины едва не рассмеялся от досады. Даже Хэ Хаймэй с её никчемным мужем не вызывали в нем такого раздражения, как этот парень.

— Это... что происходит-то? — Сунь Ци вытаращил глаза и здоровой рукой принялся расстегивать ремень на брюках. — Старший брат! Давай я его проучу! Во имя справедливости!

Он отчаянно подмигивал Цзи Мянью, всем видом показывая: «Я только для вида, бить буду не больно». Настоящий старший брат, пытающийся выгородить младшего.

Жаль только, что Цзи Мянъ стоял с закрытыми глазами и ничего этого не видел.

Дуань Чжо тоже не заметил ужимок помощника и коротко пнул того по голени — несильно, учитывая, что Сунь Ци и так был ранен.

— Сгинь. Кто тебе разрешал руки распускать? Думаешь, имеешь право его трогать?

Сунь Ци, получив ни за что ни про что, окончательно растерялся.

Мужчина снова перевел взгляд на юношу. Его голос звучал ровно, не выдавая ни гнева, ни симпатии:

— А я разве говорил, что ты сделал что-то не так?

— ...А? — Цзи Мяннь осторожно приоткрыл один глаз.

Разве нет?

[Нет. Он лишь сказал, что если ты не отпустишь его руку, он тебя побьет.]

«...»

Дуань Чжо отвернулся. У него не было ни малейшего желания смотреть в это недоумевающее, растерянное лицо. Всю дорогу до лавки он только и слышал это бесконечное «прости», и сейчас его терпение было на исходе.

Неужели в глазах этого мальчишки он — просто взбалмошный тиран, способный только эксплуатировать его труд?

Сунь Ци пребывал в полнейшем замешательстве. Он просидел здесь всего пару часов, а мир вокруг словно перевернулся. Его внимание привлекли две картины в кузове, всё еще тщательно укутанные в ткань.

— Эй, а почему картины... — «не продали?» — хотел было спросить он.

Дуань Чжо, даже не обернувшись, бросил короткое «в щепки» и, помедлив несколько секунд под пристальным взглядом Цзи Мяння, скрылся в подъезде жилого дома.

Когда электронный замок с тихим писком закрылся, Сунь Ци наконец обрел дар речи.

— В щепки? — он повернулся к юноше. — В смысле, серьезно уничтожить?

Цзи Мяннь перевел взгляд с закрытой двери на помощника и медленно кивнул:

— Да.

Если эти картины останутся в лавке, они будут лишь напоминать Дуань Чжо о той горечи, что он испытал сегодня. Их и впрямь стоило уничтожить.

— Ладно, ладно, — вздохнул Сунь Ци.

Времена менялись, и он явно за ними не поспевал. Старший брат был немногословен, а Цзи Мянью умел хранить чужие секреты как никто другой. От этой парочки правды было не добиться.

Сунь Ци залез в кузов и левой рукой попытался приподнять одну из рам. Резные панно были тяжелыми, особенно эти — одни из самых крупных в мастерской. Одной рукой он едва справлялся. Кое-как вытащив картину, он отправился искать инструмент.

Одолжив у соседей молоток, он зажал рукоять левой рукой, а поврежденное правое плечо использовал как опору. Спустя несколько минут упорного труда картина была разбита, но сам Сунь Ци завыл от боли в сломанной руке. Тяжело дыша, он понял, что на большее его не хватит.

— Цзи Мянью!

Юноша всё это время стоял у входа в лавку, не сводя глаз с того, как уничтожают труд наставника. Услышав зов, он подошел.

— Всё, я пас. Если еще раз ударю, кость точно заново сломается. Вторая картина на тебе.

«...»

Цзи Мянью посмотрел на оставшийся сверток в кузове, затем на гору щепок под ногами и тихо ответил:

— Хорошо.

***

Около полуночи Дуань Чжо разбудил звонок от Му Юйманью.

— Дуань Чжо, ты в лавке?

— В лавке? — он сел на кровати. — Нет.

Голос сестры звучал озадаченно:

— Странно. Я только что вернулась из больницы и увидела, что там горит свет. Подумала, это ты.

Му Юймань работала врачом в городской больнице. Сегодня закончилась её вечерняя смена, и, проходя мимо мастерской в двенадцатом часу, она заметила в окнах свет.

Сердце Дуань Чжо пропустило удар, в груди шевельнулось странное предчувствие. Он схватил висевшую на спинке стула футболку и бросил в трубку:

— Это не я. Сестра, иди отдыхай, я сам спущусь и проверю.

Наскоро одевшись, он выбежал из квартиры. Дверь лавки была рядом. Как и говорила сестра, внутри горел свет, но стояла идеальная тишина.

Сперва Дуань Чжо подумал, что Цзи Мянью или Сунь Ци просто забыли выключить лампы, но, заглянув через стеклянную дверь, замер. Рука, уже потянувшаяся к ручке, застыла в воздухе.

В мастерской был Цзи Мянью.

Он сидел за верстаком, которым обычно пользовался сам Дуань Чжо. Перед ним лежала та самая вторая картина, а рядом мирно покоилось маленькое долото. Юноша низко склонил голову, так что выражения его лица было не разглядеть.

Он то и дело проводил кончиками пальцев по резным листьям на панно, подолгу всматриваясь в детали, а затем брал долото и наносил по дереву едва заметные, осторожные удары. Звук был настолько тихим, что его не услышал бы даже случайный прохожий.

Дуань Чжо вспомнил свой приказ, отданный в полдень:

— В щепки.

Цзи Мянью перенял эстафету у Сунь Ци — он уничтожал картину. Но Дуань Чжо и представить не мог, что это можно делать так. Оказалось, что даже к такому слову, как «разрушение», можно применить эпитет «нежное».

Цзи Мянью относился к работам наставника так же, как и к нему самому: с бесконечным уважением и трепетом. словно перед ним был не кусок дерева, а драгоценная реликвия, которую он боялся повредить.

В душе мужчины поднялась волна странных, путаных чувств, в которых он никак не мог разобраться. Ему никогда не доводилось пробовать любовь на вкус. Для него это слово потеряло всякий смысл в тот миг, когда он увидел Дуань Цзиньянь на больничной койке. Он бросил школу еще подростком, чтобы работать, и все юношеские порывы, не успев превратиться в жажду близости, вышли из него вместе с кровью и потом.

Летние ночи на юге душные, а влажный воздух кажется таким тяжелым, что становится трудно дышать. Глядя на юношу за стеклом, Дуань Чжо ощутил, как перехватило дыхание.

Если Цзи Мян продолжит в том же духе, он закончит только к утру. Дуань Чжо и сам не понимал, почему не зашел внутрь и не остановил его.

Он прислонился к стене дома, скрытой ночной тенью, и остался снаружи. Под мерный, едва слышный стук долота, доносившийся из мастерской, Дуань Чжо медленно закурил.

Крохотный оранжевый огонек сигареты был незаметен для юноши внутри, а его слабого сияния не хватало даже на то, чтобы осветить лицо самого Дуань Чжо.

Он простоял там до самого рассвета, так и не сомкнув глаз.

<http://bllate.org/book/15358/1417340>